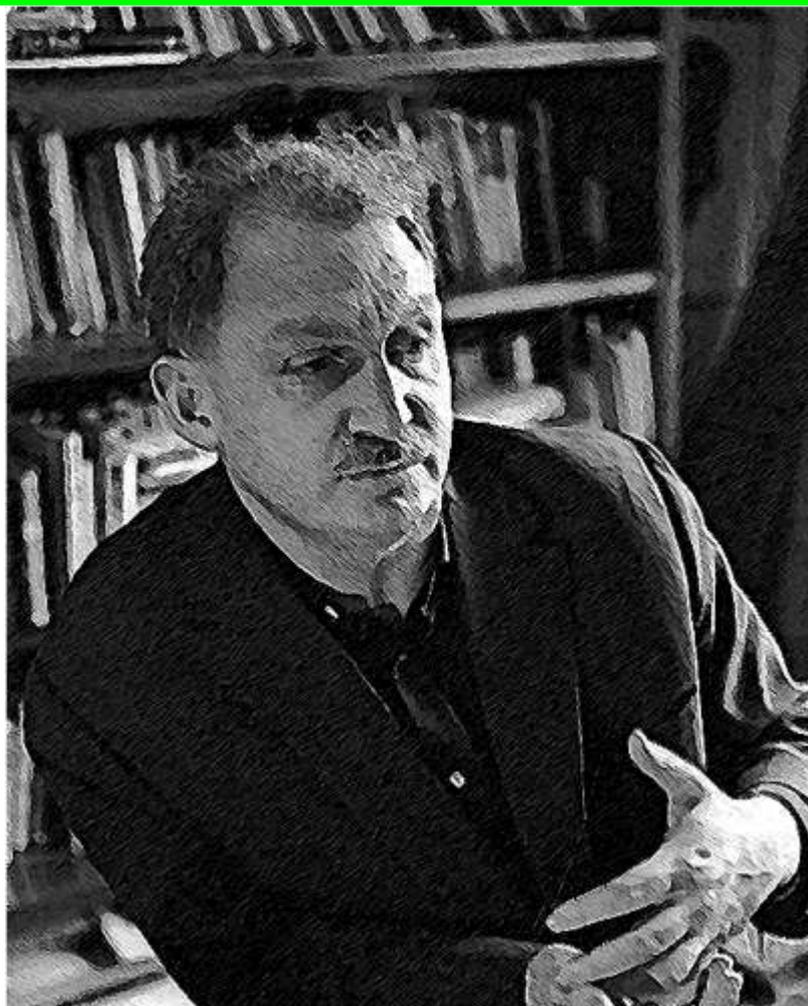

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 3. СТИХИ.

БОРИС СЛУЦКИЙ

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Поэт Борис Абрамович Слуцкий (1919—1986).

Учился юридическом и одновременно в Литературном институтах. В 1941 ушёл рядовым на фронт. Уволен из армии в 1946 в звании майора. Член Союза Писателей СССР с 1957. Первая книга стихов — «Память» (1957). Автор поэтических сборников «Время» (1959), «Сегодня и вчера» (1961), «Работа» (1964), «Современные истории» (1969), «Годовая стрелка» (1971), «Доброта дня» (1973), переводов из мировой поэзии. Борис Слуцкий имеет неоднозначную репутацию в литературных кругах. Многие не могут простить ему выступления против Бориса Пастернака, на котором Пастернак был исключён из рядов Союза. Друзья поэта считают, что он тяжело переживал свой поступок так и не простил себя. Скончался 23 февраля 1986 года.

МОРАЛЬНЫЙ ИЗНОС

Человек, как лист бумаги,
изнашивается на сгибе.
Человек, как клеенная чашка,
разбивается на изломе.
А моральный износ человека
означает, что человека
слишком долго сгибали, ломали,
колебали, шатали, мяли,
били, мучили, колотили,
попадая то в страх, то в совесть,
и мораль его прохудилась,
как его же пиджак и брюки.

БАНЯ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке?
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск,
как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы - те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких
спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали
война
и труд.

В УГЛУ

**Мозги надежно пропахали,
потом примяли тяжело,
и от безбожной пропаганды
в душе и пусто и светло.**

**А бог, любивший цвет, и пенье,
и музыку, и аромат,
в углу, набравшийся терпенья,
глядит, как храм его громят.**

**Все слабели, бабы - не слабели,-
В глад и мор, войну и суховой
Молча колыхали колыбели,
Сберегая наших сыновей.**

**Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов,-**

**С женотделов и до ранней старости
Через все страдания земли
На плечах, сгорбленных от усталости,
Красные косынки пронесли.**

1957

ГОЛОС ДРУГА

Памяти поэта [Михаила Кульчицкого](#)

Давайте после драки
Помашем кулаками,
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
Звучит все это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов -
Фанерный монумент -
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
За здравие живых!

1952

ДАЛЬНИЙ СЕВЕР

Из поселка выскоблили лагерное.
Проволоку сняли. Унесли.
Жизнь обыкновенную и правильную,
как проводку, провели.

Подключили городок к свободе,
выключенной много лет назад,
к зауряд-работе и заботе
без обид, мучений и надсад.

Кошки завелись в полярном городе.
Разбирают по домам котят.
Битые, колоченые, поротые
вспоминать плохое не хотят.

Только ежели сверх нормы выпьют,
и притом в кругу друзей —
вспомнят сразу, словно пробку выбьют
из бутылки с памятью своей.

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим
 безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
 в Кёльнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь -
До самого края спускается криво.
Раз в день
 на площадь
 выводят лошадь,
Живую

сталкивают с обрыва.

Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли
 неравно,
Пока по конине молотим зубами,-
О бургеры Кёльна,
 да будет вам срамно!
О граждане Кёльна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кёльнской яме
 с голоду выли?
Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой -
Письмо
 солдату Страны Советской.

"Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за родину в Кёльнской яме!"

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: "Ни шагу, ни шагу... "

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

**Землю роем,
скребем ногтями,
Стоном стонем
в Кёльнской яме,
Но все остается - как было, как было!-
Каша с вами, а души с нами.**

КЛИМАТ НЕ ДЛЯ ЧАСОВ

**Этот климат — не для часов.
Механизмы в неделю ржавеют.
Потому, могу вас заверить,
время заперто здесь на засов.**

**Время то, что, как ветер в степи,
по другим гуляет державам,
здесь надежно сидит на цепи,
ограничено звоном ржавым.**

**За штанину не схватит оно.
Не рванет за вами в погоню.
Если здесь говорят: давно,—
это все равно что сегодня.**

**Часовые гремуче храпят,
проворонив часы роковые,
и дубовые стрелки скрипят,
годовые и вековые.**

**А бывает также, что вспять
все идет в этом микромире:
шесть пробьет,
а за ними — пять,
а за ними пробьет четыре.**

И никто не крикнет: скорей!

Зная, что скорей — не будет.
А индустрия календарей
крепко спит, и ее не будят.

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

[И.Эренбургу](#)

Лошади умеют плавать,
Но - не хорошо. Недалеко.

"Глория" - по-русски - значит "Слава",-
Это вам запомнится легко.

Шёл корабль, своим названьем гордый,
Океан стараясь превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось - плавать просто,

Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края,
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А всё-таки мне жаль их -
Рыжих, не увидевших земли.

1950

МОЛЧАЛИВЫЙ ВОЙ

Закончена охота на волков,
но волки не закончили охоты.
Им рисковать покуда неохота,
но есть еще немало уголков,
где у самой истории в тени
на волчьем солнце греются волчата.
Тихонько тренируются они,
и волк волчице молвит:- Ну и чада!-
В статистике все волчье - до нуля
доведено.
Истреблено все волчье.
Но есть еще обширные поля,
чащобы есть, где волки воют.
Молча.

* * *

Нарушались правила драки.
Вот и все. Остальное - враки.

То под дых, то в дух, то в пах.
Крови вкус - до сих пор в зубах.

В деснах точно так же, как в нёбе.
На земле точно так же, как в небе,

сладкий, дымный, соленый, парной
крови вкус во мне и со мной.

До сих пор по взору, по зраку
отличаю тех, кто прошел
через кровь, через драку,
через мордой об стол.

НАТЯГИВАТЬ НЕ СТАНЕМ УДИЛА

Натягивать не станем удила,
поводья перенапрягать не станем,
а будем делать добрые дела
до той поры, покуда не устанем.

А что такое добрые дела,
известно даже малому ребенку.
Всех, даже основных адептов зла,
не будем стричь под общую гребенку.

Ну что мы в самом деле всё орем?
Где наша терпеливость, милость, жалость?
В понятие "проступок" уберем,
что преступлением обозначалось.

По году наказания скостим,
и сложность апелляций упростим,
и сахару хоть по куску прибавим -
и то в веках себя прославим.

* * *

Начинается расчет со Сталиным,
и — всерьез. Без криков и обид.
Прах его, у стен Кремля оставленный,
страх пускай колеблет и знобит.
Начинается спокойный
долгий и серьезный разговор.
Пусть ответит наконец покойник,
сумрачно молчавший до сих пор.
Нет, не зря он руган был и топтан.
Нет, не зря переменял жильё.
Монолог обидчивый закончен.
Хор народа говорит свое.

НЕМКА

Ложка, кружка и одеяло.
Только это в открытке стояло.

- Не хочу. На вокзал не пойду
с одеялом, ложкой и кружкой.
Эти вещи вещают беду
и грозят большой заварушкой.

Наведу им тень на плетень.
Не пойду.- Так сказала в тот день
в октябре сорок первого года
дочь какого-то шваба иль гота,

в просторечии немка; она
подлежала тогда выселенью.
Все немецкое населенье
выселялось. Что делать, война.
Поначалу все же собрав
одеяло, ложку и кружку,
оросив слезами подушку,
все возможности перебрав:
- Не пойду! (с немецким упрямством)
Пусть меня волокут тягачом!
Никуда! Никогда! Нипочем!

Между тем надежно упрятан
в клубы дыма
Казанский вокзал,
как насос, высасывал лишних
из Москвы и окраин ближних,
потому что кто-то сказал,
потому что кто-то велел.
Это все исполнялось прытко.
И у каждого немца белел
желтоватый квадрат открытки.

А в открытке три слова стояло:
ложка, кружка и одеяло.

Но, застлав одеялом кровать,
ложку с кружкой упрятав в буфете,
порешила не открывать
никому ни за что на свете
немка, смелая баба была.

Что ж вы думаете? Не открыла,
не ходила, не говорила,
не шумела, свету не жгла,
не храпела, печь не топила.
Люди думали - умерла.

- В этом городе я родилась,
в этом городе я и подохну:
стихну, онемею, оглохну,
не найдет меня местная власть.

Как с подножки, спрыгнув с судьбы,
зиму всю перезимовала,
летом собирала грибы,
барахло на "толчке" продавала
и углы в квартире сдавала.
Между прочим, и мне.

Дабы
в этой были не усомнились,
за портретом мужским хранились
документы. Меж них желтел
той открытки прямоугольник.

Я его в руках повертел:
об угонах и о погонях
ничего. Три слова стояло:
ложка, кружка и одеяло.

НИЧЕГО!

Небрежение жизнью: молча,
без качания прав
изо всей умирали мочи,
прав кто или не прав,
холост кто или многодетен,
обеспечен или беден.

Не цеплялись, не приспособлялись,
а бестрепетно удалялись
и настаивали в голубизне,
не настаивая на отсрочке.
Это все было близко мне.
Я и сам бы при случае.

**Строчки
из речей не застряло в ушах.
Только крики:
судьбы не затягивали.
Умирали, словно шаг
в сторону,
в сторонку
отшагивали.**

**Средь талантов народа всего
красноречие не фигурировало.
Превалировало и лидировало
славное словцо: "Ничего!"**

ОБУЧЕНИЕ НОЧЬЮ

**Учила линия передовая,
идеология передовая,
а также случай, и судьба, и рок.
И жизнь и смерть давали мне урок.**

**Рубеж для перехода выбираю.
В поход антифашиста собираю.
Надеюсь, в этот раз антифашист
присяге верен и душою - чист.**

**Надеюсь, что проверены вполне
анкета, связи с партией, подпольем,
что с ним вдвоем мы дела не подпортим...
А впрочем, на войне как на войне**

**и у меня воображенья хватит
представить, как меня он камнем хватит,
булыгой громыхнет по голове
и бросит остывать в ночной траве.**

На этот раз приятна чем-то мне
его повадка, твердая, прямая,
и то, как он идет, слегка хромая.
А впрочем, на войне как на войне.

Я выбираю лучшую дыру
в дырявой полужесткой обороне
и слово на прощание беру,
что встретимся после войны в Берлине.

Ползу назад, а он ползет вперед.
Оглядываюсь. Он рукою машет.
Прислушиваюсь. Вдруг он что-то скажет.
Молчит. И что-то за душу берет.

Мы оба сделаем
 все, что должны.
до встречи
 в шесть часов после войны!

* * *

Определяю, едва взгляну:
Росли и выросли в войну.

А если так, чего с них взять?
Конечно, взять с них нечего.
Средь грохота войны кузнечного
Девичьих криков не слышать.

Былинки на стальном лугу
Растут особенно, по-своему.
Я рассказать еще могу,
Как походя их топчут воины:

За белой булки полкило,
За то, что любит крепко,

За просто так, за понесло,
Как половодьем щепку.

Я в черные глаза смотрел,
И в серые, и в карие,
А может, просто руки грел
На этой жалкой гари?

Нет, я не грел холодных рук.
Они у меня горячие.
Я в самом деле верный друг,
И этого не прячу я.

Вам, горьким - всем, горючим - всем,
Вам, робким, кротким, тихим всем
Я друг надолго, насовсем.

ОТЪЕЗД

I

Мне снилось, что друг уезжает,
что старый мой, друг мой, встает,
узлами купе загружает,
проститься с собою дает.

Тот самый, в котором души я
не чаял, когда-то, давно...
И дети его небольшие
в вагонное смотрят окно.

Куда же он едет, куда же?
К которой спешит он беде?
Как будто бы на распродаже,
разбросаны вещи везде.

Он слушает только вполуха,

не хочет меня понимать,
и вежливая старуха
рыдает в углу — его мать.

И поезд уже затевает
протяжную песню свою.
И друг мне в окошке кивает,
а я на перроне стою.

II

Уезжающие — уезжают,
провожающие — провожают,
и одни, совсем одни
остаются потом они.

Только рявкнет гудок паровозный,
реактивный взревет самолет —
одиночество холод грозный
превращает в снег и в лед.

Превращает в мрак и в стужу,
в февраль, январь, декабрь.
Это все случается тут же,
на перроне — гляди, смотри.

И становится слово прочерком.
И становится тишью — звень.
И становятся люди — почерком
в редких письмах
в табельный день.

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

Перед войной я написал подвал
про книжицу поэта-ленинградца
и доказал, что, если разобраться,
певец довольно скучно напевал.

Я сдал статью и позабыл об этом,
за новую статью был взятся рад.
Но через день бомбили Ленинград
и автор книжки сделался поэтом.

Все то, что он в балладах обещал,
чему в стихах своих трескучих клялся,
он "выполнил - боролся, и сражался,
и смертью храбрых,
как предвидел, пал.

Как хорошо, что был редактор зол
и мой подвал крестами переметил
и что товарищ,
 павший,
 перед смертью
его,
 скрипя зубами,
 не прочел.

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мерзлomu,
 мертвому,
 мокромu камню,
Но вышло,
 что та высота высока мне.
И пал я тогда. И затих до поры.
Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я Родине нужен,

Что славное дело,
 почетная служба,
Большая задача поручена мне.
— Да я уже с пылью подножной смешался!
Да я уж травой придорожной пророс!
— Вставай, поднимайся!
 Я встал и поднялся.
И скульптор размеры на камень нанес.
Гримасу лица, искаженного криком,
Расправил, разгладил резцом ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
 а был я живым.
Расту из хребта,
 как вершина хребта.
И выше вершин
 над землей вырастаю,
И ниже меня остается крутая
Не взятая мною в бою высота.
Здесь скалы
 от имени камня стоят.
Здесь сокол
 от имени неба летает.
Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.
От имени Родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!
Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы
 освобожденной страны,
Где графские земли
 вручал батраках я,
Где тюрьмы раскрыл,
 где голодных
 кормил,
Где в скалах не сыщется
 малого камня,
Которого б кровью своей не кропил.
Стою над землей

как пример и маяк.
И в этом
посмертная
служба
моя.

ПЕСНЯ (ПОЛЗЕТ ОБРУБОК ПО АСФАЛЬТУ...)

На перекрестке пел калека.

[Д. Самойлов](#)

Ползет обрубок по асфальту,
какой-то шар,
какой-то ком.
Поет он чем-то вроде альта,
простуженнейшим голоском.

Что он поет,
к кому взывает
и обращается к кому,
покуда улица зевает?
Она привыкла ко всему.

- Сам - инвалид.
Сам - второй группы.
Сам - только год пришел с войны.-
Но с ним решили слишком грубо,
с людьми так делать не должны.

Поет он мысли основные
и чувства главные поет,
о том, что времена иные,
другая эра настает.

**Поет калека, что эпоха
такая новая пришла,
что никому не будет плохо,
и не оставят в мире зла,**

**и обижать не будут снохи,
и больше пенсию дадут,
и все отрубленные ноги
сами собою прирастут.**

Сельское кладбище

Элегия

**На этом кладбище простом
покрыты травкой молодой
и погребённый под крестом
и упокоенный звездой.**

**Лежат, сомкнув бока могил.
И так в веках пребыть должны,
кого раскол разъединил
мировоззрения страны.**

**Как спорили звезда и крест!
Не согласились до сих пор!
Конечно, нет в России мест,
где был доспорен этот спор.**

**А ветер ударяет в жёсть
креста, и слышится: Бог есть!
И жёсть звезды скрипит в ответ,
что бога не было и нет.**

**Пока была душа жива,
ревели эти голоса.
Теперь вокруг одна трава.
Теперь вокруг одни леса.**

Но, словно затаённый вздох,
внезапно слышится: есть Бог!
И словно приглушённый стон:
Нет бога! - отвечают в тон.
?

Я судил людей и знаю точно,
что судить людей совсем
несложно -
только погода бывает тошно,
если вспомнишь как-нибудь
оплошно.

Кто они, мои четыре пуда
мяса, чтоб судить чужое мясо?
Больше никого судить не буду.
Хорошо быть не вождем, а массой.

Хорошо быть педагогом школьным,
иль сидельцем в книжном магазине,
иль судьей... Каким судьей?
футбольным:
быть на матчах пристальным
разиней.

Если сны приснятся этим судьям,
то они во сне кричать не станут.
Ну, а мы? Мы закричим, мы будем
вспоминать былое неустанно.

Опыт мой особенный и скверный -
как забыть его себя заставить?
Этот стих - ошибочный, неверный.
Я неправ. Пускай меня поправят.

ФУНТ ХЛЕБА

Сколько стоит фунт лиха?
Столько, сколько фунт хлеба,
Если голод бродит тихо
Сзади, спереди, справа, слева.

Лихо не разобьешь на граммы -
Меньше фунта его не бывает.
Лезет в окна, давит рамы,
Словно речка весной, прибывает.

Ели стебли, грызли корни,
Были рады крапиве с калиной.
Кони, славные наши кони
Нам казались ходячей кониной.

Эти месяцы пораженья,
Дни, когда теснили и били,
Нам крестьянское уваженье
К всякой крошке хлеба привили.

У каждого были причины свои:
Одни - ради семьи.
Другие - ради корыстных причин:
Звание, должность, чин.

Но ложно понятая любовь
К отечеству, к расшибанью лбов
Во имя его
Двинула большинство.

И тот, кто писал: "Мы не рабы!"-
В школе, на доске,

Не стал переть против судьбы,
Видимой невдалеке.

И бог - усталый древний старик,
Прячущийся в облаках,
Был заменен одним из своих
В хромовых сапогах.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья -
наши сладенькие ямбы,
и в пегасовом полете
не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
то-то лирики в загоне.
Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
а скорее интересно
наблюдать, как, словно пена,
оппадают наши рифмы
и величие степенно
отступает в логарифмы.

**У государства есть закон,
Который гражданам знаком.
У антигосударства —
Не знает правил паства.**

**Держава, подданных держа,
Диктует им порядки.
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.**

**Когда берет бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает,**

**Отраду старцам подает,
Уже чеканит гривны,
Бунтарских песен не поет,
Предпочитает гимны.**

**Остыв, как старая звезда,
Он вышел на орбиту
Во имя быта и труда
И в честь труда и быта.**

**Счастье - это круг. И человек
Медленно, как часовая стрелка,
Двигается к концу, то есть к началу,
Двигается по кругу, то есть в детство,
В розовую лысину младенца,
В резвую дошкольную проворность,
В доброту, веселость, даже глупость.**

**А несчастье - это острый угол.
Часовая стрелка - стоп на месте!
А минутная - спеши сомкнуться,
Загоняя человека в угол.**

**Вместо поздней лысины несчастье
Выбирает ранние седины
И тихонько ковыряет дырки
В поясе - одну, другую,
Третью, ничего не ожидая,
Зная все.
Несчастье - это знанье.**

СБРАСЫВАЯ СИЛУ СТРАХА

**Силу тяготения земли
первыми открыли пехотинцы -
поняли, нашли, изобрели,
а Ньютон позднее подкатился.**

**Как он мог, оторванный от практики,
кабинетный деятель, понять
первое из требований тактики:
что солдата надобно поднять.**

**Что солдат, который страхом мается,
ужасом, как будто животом,
в землю всей душой своей вжимается,
должен всей душой забыть о том.**

**Должен эту силу, силу страха,
ту, что силы все его берет,
сбросить, словно грязную рубаху.
Встать.
Вскричать "ура".
Шагнуть вперед.**

ПРО ЕВРЕЕВ

**Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.**

**Евреи - люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.**

**Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: "Евреи, евреи!"**

**Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.**

**Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
"Евреев не убивало!
Все воротились живы!"**

ПРОЗАИКИ

**Исааку Бабелю, Артему Веселому,
Ивану Катаеву, Александру Лебедеенко**

**Когда русская проза пошла в лагеря:
в лесорубы,
а кто половчей - в лекаря.
в землекопы,**

а кто потолковей - в шоферы,
в парикмахеры или актеры,-
вы немедля забыли свое ремесло.
Прозой разве утетишья в горе!
Словно утлые щепки, вас влекло и несло,
вас качало поэзии море.

По утрам, до поверки, смиpны и тихи,
вы на нарах писали стихи.
От бескормиц, как палки тощи и сухи,
вы на марше слагали стихи.
Из любой чепухи
вы лепили стихи.

Весь барак, как дурак, бормотал, подбирал
рифму к рифме и строку к строке.
То начальство стихом до костей пробирал,
то стремился излиться в тоске.

Ямб рождался из мерного боя лопат.
Словно уголь, он в шахтах копался.
Точно так же на фронте, из шага солдат,
он рождался
и в строфы слагался.

А хорей вам за пайку заказывал вор,
чтобы песня была потягучей,
чтобы длинной была, как ночной разговор,
как Печора и Лена - текучей.

ПРИЧИНЫ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Вот за что люблю анкеты: за прямую
постановку не кривых вопросов.
За почти научное сведение
долгой жизни к кратким формулам.
За уверенность, что человека

можно разложить по полкам
и что полк требуется десять,
чтобы выдавали книги на дом,
или сорок, чтобы отпустили
в капстрану на две недели.

перед рыбьими глазами
всех ее вопросов —
все же равенство.
А я — за равенство.
Отвечать на все вопросы
точно, полно,
знаешь ли, не знаешь,— отвечать,
что-то в этом есть
от равенства и братства.
Чуть было не вымолвил:
свободы.

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх - за совесть и за почесть.
Лежит солдат - в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

ПАМЯТЬ

Я носил ордена.
После - планки носил.
После - просто следы этих планок носил,
А потом гимнастерку до дыр износил.
И надел заурядный пиджак.

А вдова Ковалева все помнит о нем,
И дорожки от слез - это память о нем,
Сколько лет не забудет никак!

И не надо ходить. И нельзя не пойти.
Я иду. Покупаю букет по пути.
Ковалева Мария Петровна, вдова,
Говорит мне у входа слова.

Ковалевой Марии Петровне в ответ
Говорю на пороге: - Привет! -
Я сажусь, постаравшись к портрету -
спиной,

Но бессменно висит надо мной
Муж Марии Петровны,
Мой друг Ковалев,
Не убитый еще, жив - здоров.
В глянцеви́тый стакан наливается чай,
А потом выпивается чай. Невзначай.

Я сижу за столом,
Я в глаза ей смотрю,
Я пристойно шучу и острою.
Я советы толково и веско даю -
У двух глаз,
У двух бездн на краю.
И, утешив Марию Петровну как мог,
Ухожу за порог.